

«Макбет» Эймунтаса Някрошюса

МИЛОСТЬ К ПАДШЕМУ ЗЛОДЕЮ

Независимая газета. 2000. — 23 марта. — с. 7

Павел Руднев

НЯКРОШЮС неизменен. Готовы ли мы согласиться с комплексом идей того или иного его спектакля или же, напротив, обвиняем литовского гения в порочности мысли, так или иначе мы непременно выносим со сцены (она у Някрошюса уподобляется полю после битвы — разбросанные предметы, тела, сыпучие материалы, разлитые жидкости, смеси) несколько объемных образов, которые запоминаем навсегда, на весь наш век, словно бы эти метафоры оказывались для нас молитвами, псалмами, не запомнить которые означало бы потерять веру в подлинное искусство театра. Куда бы ни вывернул нас ветер перемен в искусстве, мы вечно помним девочку-смерть из «Маленьких трагедий», вертящую перед собой на прутике стальное колесо, издающее тоскливый и жуткий скрежет в полном молчании замороженного зала, мы помним раскрученную Тузенбахом тарелку, с которой он перед тем алчно, по-мужски поглощает свой последний ужин, мы помним «дым отечества», заключенный в опрокинутый граненый стакан, мы помним обледелую люстру и слиток льда, врученный призраком Гамлету, который, разбивая жгучий комок об пол, обнаруживает в тающей груди кинжал для мести. Все это страницы хрестоматии театра, составление которой еще долго не завершится.

В «Макбете» (спектакль получил «Золотую Маску» как лучшая зарубежная постановка, показанная в России в 1999 году) таких монументальных метафор не меньше. Спектакль начнет хулиганский шабаш ведьм, ведьмочек, юных очаровательных девушек в простонародных костюмах (косынка, блузка, длинная юбка с широким подолом), что станут на протяжении спектакля выполнять роли служанок просцениума. Они выскочат на сцену под звуки африканских барабанов, которые затем сменят роковые риффы, будут скакать по сцене, взбираясь на металлические котлы и затем опрокидывая их. Сгрудившись втроем, ведьмы станут экспериментировать со звуком, задорно, увлеченно кричать внутрь котлов, словно внутрь бездонной преисподней, и получать эхом гулкие смутные ответы. Колдовство, неотличимое от невинной детской игры, завораживает и пугает.

Действия ведьм в этом сравнительно неподвижном, статичном спектакле станут тем мотором, который движет интригу. И формирование ритма здесь принадлежит, конечно, несравненной Виктории Куодите — любимой актрисе Някрошюса. Ведьмы, коварные служанки, все делают за людей, почти не оставляя последнего выбора. Человек статичен и безволен — перед этим вечным девичьим кружением, неустанным мельтешением по

Убитый Банко (Видас Пятквичюс) взывает к возмездию. Макбет (Костас Сморигинас) держится за брус как за основу креста.

Фото Михаила Гутермана

сцене двоящихся-троящихся ведьм. Мы не увидим Макбета (Костас Сморигинас), празднующего свой триумф, не увидим Макбета, ставшего королем после убийства своего предшественника Дункана (Рамунас Рудокас), — главный герой предстанет перед нами в одном и том же облике: измученным, вялым, измятым, с мокрыми сбившимися волосами, трясущимися и ведаемым. Перед убийством Дункана леги Макбет (Дая Сторик), которую в отсутствие главной ведьмы Гекаты прощит все с ней и отождествит, будет учить супруга решимости, буквально загоняя, заталкивая его в спальню, где спит король. Макбет коряво и неуверенно копирует уверенные жесты супруги, словно набираясь смелости, а затем с криком «Я готов!» на четвереньках поскочит на злодейство, опираясь, как калечный, ущербленный, на деревяшку-протез.

Образ ловушки, в которую ведьмы увлекают человека, станет центральным в спектакле Эймунтаса Някрошюса: чугунный алов котел, край которого приподнят подпоркой. Дернешь за веревочку — и зверь пойман. Так уличные со-

рванцы на мякиш хлеба ловят голубей. Когда ловушка захлопнется, Макбет, стоящий рядом, взвост от боли, зажимая между колен якобы прищемленную кисть. Он страдает от ссадин и ушибов и не замечает, что ведьмы взамен той власти, которой стал обладать Макбет, забрали у него душу: из-под котла вывалится мертвая птица, трупик черного ворона.

Бесчисленное количество раз Макбет будет выстраивать на сцене вот такие же ловушки при помощи разных подручных предметов: выпорхнувшую душу он хочет изловить обратно — на табачок, который ведьмы, ничуть не страшась угрозы, тут же и подворовывают. Душа к Макбету уже не вернется.

«Макбет» — первый спектакль Някрошюса, сделанный после ухода из-под опеки литовского фестивального центра «Life». Смена коллектива (спектакль сделан в вильнюсском театре «Meno fortas») волю или неволю изменила режиссерские предпочтения литовского мастера. В «Макбете» с большой очевидностью заметно, что к языческим атрибутам, непременно присутствующим в каждом спек-

такле Някрошюса (камни, дерево, металл, земля — все, что обладает древним магическим значением), прибавились и знаки католицизма — вторая культура, ставшая наряду с язычеством для Литвы формообразующей. Кажется, впервые Някрошюс напрямую заговорил на религиозные темы.

В одном анонсе спектакля «Макбет» говорилось, что злодей здесь становится святым. Это преувеличение, хотя те головные уборы с позолотой, которые носят супруги Макбет, действительно похожи на монашеские клобуки. В Макбете Някрошюс примечает только одну сторону святости — он делает убийцу и головореза мучеником. В мире, которым управляют неувольнимые ведьмы, все — мученики: и те, кто убивает, и те, кого убивают. Ведьмы устраивают Макбету еще одну ловушку: рассказывая о том, при каких обстоятельствах он погибнет, одна из них прибавляет его ноги к брусу, пригвозждая Макбета к неминуемой судьбе. Выслушав неправдоподобные обещания, Макбет легко «сходит с креста», будучи уверенным в том, что Бирнамский лес никогда не пойдет на Дунсинанский холм. Со своим брусом — фрагментом креста — Макбет больше не сможет расстаться.

Впечатляет и сцена убийства Банко (Видас Пятквичюс) — в тот же брус, который лежит рядом с телом Макбетова друга, убийцы вонзают дюжину топоров, которые торчат, как иглы ежа. Восставший Банко тщательно соберет топоры в охапку, сложит их в оцинкованное корытце, которое взвезется на тресах к колосникам. Словно те христианские мученики, которые на центральном панно Микеланджело в Сикстинской капелле безропотно несут орудия своего мучительства Христу, Банко этим жестом просит у неба возмездия. И оно придет — в третьем акте, когда из тех же полнебесных корытцев повалятся на сцену груды камней. И Макбет, сжавшийся в комок посредине сцены, устрасит этой грохочущей поступи судьбы.

Перед казнью сокрушенный Макбет взмолился о пощаде, он робко и застенчиво, ни на что не надеясь, произнесет те краткие обрывки молитвы, которые запомнит: «Во имя отца...», и замолчит навеки. И здесь Някрошюс призывает зрителей к милосердию, милости к падшему. Ведьмы (тут мы поймем, что они несколько похожи на монашек) запоют тихую католическую молитву: «Miserere mei» — «Помилуй мя» — там, где рефреном слова пятидесятого псалма: «Изглядь беззакония мои». На пару секунд зал безжалостно осветит мощный луч прожекторной пушки: кто способен устоять перед неведомым и не подвластным нам, а возможно, и никому силам. Макбета становится жалко. Он — один из нас, из того самого человеческого рода, что по своей несчастной природе принужден попадать в расставленные ловушки.